

1987

Родилась 19 апреля в г. Ленинграде. Рост — 170 см, цвет волос — блондинка, цвет глаз — карий. Иностранные языки — английский. Водит машину. (Информация — «Актерское агентство 24»)

2001

«СЕСТРЫ». Главная роль — Света. Приз «ЛУЧШИЙ АКТЕРСКИЙ ДУЭТ» на кинофестивале «КИНОТАВР» в Сочи. Номинация «НАДЕЖДА ГОДА» на премию «КУМИР 2001»

2002

«ЛИЛИ НАВСЕГДА» (Швеция). Приз CANAL + на кинофестивале в Стокгольме в номинации «ЛУЧШАЯ ЖЕНСКАЯ РОЛЬ». Кинопремия Шведской киноакадемии GULDBAGGE («Золотой Жук») в номинации «ГЛАВНАЯ ЖЕНСКАЯ РОЛЬ»

Оксана Акиньшина:

Я люблю подонков

Честно говоря, давно у меня не было такого ощущения — поговорить с Акиньшиной поговорил, и совершенно счастлив, и мне абсолютно не хочется это все записывать. Потому что собственные ее слова, отделившись от нее, уже будут враньем. А мне ужасно хочется сохранить ощущение абсолютной чистоты, которое от нее исходит, и ничем этого ощущения не испортить — даже публикацией...

«Кровать должна быть теплой»

— Не против, если сначала про фильм Филиппа Янковского «В движении»? Как вам Янковский ставил задачу?

— Очень просто. Стой там, смотри на Хабенского.

— Вам приятно было смотреть на Хабенского?

— Это лучший сегодня актер, по-моему. И очень хороший человек.

— Но Янковский вам объяснял, что полагается сыграть?

— Примерно вашими словами. Типа символ чистоты. Я решила ничего особенно не изображать, честно стояла и смотрела.

— Вам нравится картина?

— Нет.

— Почему?

— Московская.

— В смысле — в Питере живут по правилам, а в Москве кокак?

— Нет, ровно наоборот. В Москве играют — действительно по правилам, — а в Питере живут. Вот я, например, очень люблю Венецию. Приехать туда

летом, жить за ставнями среди чудесного зеленого гнилья морского — да, счастье. Но постоянно жить в декорации?! Питер — город абсолютно настоящий. Нигде, кроме Питера, себя не мысле.

— Кстати, как вам Мудиссон (режиссер фильма «Лили навсегда»). — Ред.) объяснял роль? Он же не говорит по-русски!

— Не говорит. Он странный, абсолютный инопланетянин. Но там все было понятно, чего объяснять? Я потом, кстати, много таких девушек встречала, как эта Лили. А тогда мне было четырнадцать лет и я обо всем догадывалась.

— Вам не кажется, что с вами все рано случилось? Вы ведь в кино с двенадцати, в модельном бизнесе — еще раньше...

— Я никогда средю не была в модельном бизнесе.

— А пишут...

— Господи, что пишут?! Я была, как все девочки, в танцевальном кружке. И когда на «Ленфильме» были пробы, руководительница этого кружка привела нас и попросила, чтобы

всех сфотографировали. Так я попала в картотеку, ассистент Балабанова меня заметил и показал Сереже Бодрову. А насчет того, что рано... Я в детстве мечтала быть военным. Такие были фантазии. Потом — тетенькой-миллионером. Потом, как положено девочке, уже ветеринаром. И бог знает, до чего бы я домечталась, если бы не началось кино. Пока оно меня устраивает. Мне не надо мелькать постоянно, я не успеваю восстанавливаться.

— А как вы восстанавливаетесь?

— Главным образом за счет общения с людьми, которых я считаю умнее и лучше себя. Иногда за счет лежания в кровати. Я люблю в ней находиться, она должна быть теплой, это вообще важное место в доме. Никаких особых требований к жилищу у меня нет, кроме еще наличия ванной, конечно. Ванная нужна, да.

— У вас бардак?

— У меня полный порядок, навою лично.

«Я человек депрессивный»

— В чем вы за последнее время снялись?

— Да так получилось, что почти и ни в чем. Сейчас пошла предложения, много, и слава Богу — разные. До этого сплошь предлагали девочек с трудной судьбой.

— А вы девочка с легкой?

— Не во мне дело, просто когда они все одинаковые — это задолбает кого угодно. Я от них регулярно отказывалась. Насчет судьбы... Ну, родители меня не покидали, без работы я не сижу, войны нет, формально я в порядке. В остальном последние полтора года я живу очень трудно. Я сегодня вечером встречаюсь с батюшкой, буду просить у него совета. Тут накладывается много всего — это семейные проблемы, какие-то предательства — меня вообще часто предают, — и быт, и общее нарастающее раздражение из-за множества мелких и крупных вещей. И чувство, что все идет не туда.

— Вы настолько серьезно веруете? Это я насчет батюшки.

— Абсолютно серьезно, но не в том смысле, что соблюдаю все обряды и много общаюсь со священниками. Просто мне хорошо в церкви. Там никто и ничто на меня не давит. Там нет людей, которые постоянно жаждут тебя побеждать.

— А почему их столько развелось?

— Потому что мы утратили все, что у нас было общего. Нет ничего, что всех бы скрепляло, мы не целое, и все занято давлением друг на друга. Это особенно касается режиссуры, где много людей, непрерывно занятых самоутверждением. Я не буду никаких имен называть. Просто им нравится тебя унижать, и всё. И вообще в режиссуре сегодня страшное ко-

Оксана со своим любимым чудовищем — Шнуровым

личество сынков великих людей — исключение составляет Толоцкий, он доброжелателен и четко знает, чего хочет; и может быть, я буду у него работать в новой картине.

— А режиссер «Волкодава» Лебедев?

— Лебедев — очень хороший человек, который просто попал не на свой проект. Это должен был делать стубый монстр, производственный, способный управлять гигантской машиной. А он человек интеллигентный, ходит деликатно по площадке, говорит с просительной интонацией — ему бы снимать хорошие триллеры вроде «Змеиногорского источника». Я вообще не очень понимаю, зачем надо было делать «Волкодава» и побивать Голливуд Галирадом. Одни люди умеют собирать монстров, а ты... я не знаю... дрессировать бабочек; ну и дрессируй!

— А что бы вы сами сделали, если бы пришлось делать кино?

— Вряд ли когда-то примусь, но с наибольшим удовольствием — сказку. Хорошую детскую сказку.

— А кого бы вы там играли — добро или зло?

— Кого угодно, с одинаковой охотой. На добрую фею я

вообще мало похожа. Людям, наверное, со мной трудно.

— Почему?

— Все потому же. Когда мне плохо, я не буду делать вид, что хорошо. До какого-то момента попритворяюсь, а потом запущу тяжелым предметом. Я человек депрессивный, не скрываю этого совершенно. Мне большую часть дня бывает плохо. Меня что угодно может взбесить, любой встречный хам, чье-то вранье, тетка в аэропорту.

— Интересно, какие сказки вас впечатляли в детстве?

— Любимый мультык — «Красавица и чудовище». Но с важной поправкой: мне не хотелось, чтобы он превратился в принца. Принцев полно, в любом сопределном королевстве торчит по принцу, и все одинаковые. А чудовище — одно, и все девочки втайне любят чудовище, потому что его жалко. Мне, во всяком случае, не хочется его целовать, чтобы он принцизировался... опринцовывался... Я люблю чудовище.

— А Шнур — чудовище?

— В чем-то чудовище, в чем-то красавец. Он разный бывает. Это и интересно. В принципе он интеллигентнейший человек, но может быть абсолютным пьяным подонком, а от ровесников пока нет. Но если

нический образ, а такая форма существования.

— Я читал в одном его интервью, что «Ленинград» как образ жизни не всякий выдержит.

— Еще бы... Пить-то столько...

— А не пить никак нельзя?

— Нельзя. Это будет уже другой образ жизни.

— И вы пьете?

— Пью. Ну, не в хлам, конечно, не до свинства, — но...

— И что вам это дает?

— Как всем: сначала весело, безбашенно, все можешь. Потом отходняки разной степени тяжести.

«Сука» и «Терминатор»

— Какой у вас ближайший проект в запуске?

— «Княжна Мери».

— Вы, я так понимаю, будете княжна?

— Да. Делать будет Олег Иванович Янковский. И он же — играть Печорина.

— В его возрасте?

— А что такого? Вполне по-жож.

— И вы влюбились бы в такого?

— Я же люблю подонков. Есть, понимаете, два типа мужчин. Одни — для долгой жизни, другие — для безумной страсти. Я влюбляюсь в тех, что для страсти. Потом всегда проигрываешь, потому что женщина обязательно проигрывает в таких отношениях. Как княжна Мери. Зато она влюблена в героя своего времени. Как и я. Как увидела Шнурова, так и влюбилась немедленно.

— Что, по-вашему, делает его героем нашего времени?

— Способность примерно за три года до конъюнктуры предвидеть ее. Ну, не в плохом смысле, — а попасть в нерв. Он сегодня один настоящий. А что герой нашего времени может быть подонком... Я попробую сейчас объяснить разницу между подонком и сволочью, как я ее понимаю. Подонок мучается сам, и потому с ним иногда тяжело окружающим. А сволочь мучает других, а сама себя чувствует прекрасно. Подонок — это комплимент в моей системе. Это человек не из большинства, потому что герой нашего времени не может быть в большинстве. Шнуров мучает себя сам, ему самому с собой трудно. Другого я бы не любила.

— Какие его песни вам больше всего нравятся?

— «Сука» и «Терминатор».

— Вы повлияли на то, что он делает?

— Думаю, да.

— Многие говорят, что в вашем поколении наконец появились люди, на которых вся надежда: яппи, добропорядочный средний класс, труяги офисов...

— Я мало знаю свое поколение, потому что в основном общаюсь с людьми старше лет на десять. У них я могу что-то взять и чем-то заражаться, а от ровесников пока нет. Но если

говорить о яппи — это не моя надежда. У моей страны надежды совершенно другие.

— Вам не нравится Путин?

— В чем-то нравится, в чем-то нет — Путин при чем?! Не в нем дело.

— А в чем?

— На глазах страна стала другой. Вот вы спросили про «Сестер», а я уже плохо помню. Не потому, что была мала, — возраст как раз самый впечатлительный, — а потому, что мир вокруг другой. Сегодня в нем стремительно увеличивается количество говна, и самое печальное, что я не могу объяснить, в чем именно заключается это говно. Формально все нормально. Но я же не могу не чувствовать, что пространство нормы ужасно сузилось, и еще сужается, и скоро уже вообще ничего будет нельзя. И я не знаю, куда можно от этого деться. Я могу в этом не участвовать, но тогда скоро участвовать станет не в чем.

— Как по-вашему, что делал бы сегодня Бодров?

— Думаю, куда-то ушел бы. В кино его не очень представляю, в какой-то публичной деятельности — тоже. Думаю, он бы писал что-нибудь. Я предпочитаю так и думать — что он просто куда-то ушел и в тишине, в одиночестве что-то пишет. Но присутствует.

— Вы верите в бессмертие?

— Я этот вопрос всем задаю, в том числе и себе.

— Я не знаю. Мне неинтересно было бы знать. Я тоже живу с ощущением, что в конце мне будет предложена загадка. Какой интерес подглядывать?

— Вы действительно принципиально не читаете книги и не хотите получать актерское образование?

— Книжки я читаю, но делаю это редко, о чем и сказала однажды, — с тех пор пошел слух: не читает книг вообще, принципиально... Просто мало книг, которые бы мне были по-настоящему нужны. Школу я запленила, хотя и с трудом, конфликтами и скрипом. Актерское образование получать не буду, а культурологическое — надеюсь, буду. Это будет история искусств.

— Либо по-моему, либо никак?

— Предполагалось ваше участие в одной культовой картине, не буду ее называть в печати. Оно не состоялось — почему?

— Потому что режиссеру хотелось трахать Акиньшину, а у Акиньшиной уже Шнур. Он тогда нашел клон Акиньшиной.

— И стал трахать?

— Не знаю. Снимать, во всяком случае, стал.

— Андрей Кончаловский как-то сказал, что режиссура — дело чувственное, что если не трахать

актрису, ей каких-то вещей не объяснишь...

— Ну, пусть другим так объясняют. Я как-нибудь сама. Я же говорю — мне трудно с людьми, и им со мной: у меня принцип — либо по-моему, либо никак.

— А наличие Шнура не отпугивает режиссеров?

— Если оно отпугивает ТАКИХ режиссеров, то и слава Богу. У меня вообще репутация человека, посылающего на х... Кого-то это отпугивает. Но лучше иметь такую репутацию. Тогда не почувствуешь в говне. Сегодня человека используют, пока могут, а потом вышвыривают. И очень многие — я могла бы вам назвать имена, но вы их знаете — не могут устоять. Сначала человеку нужна квартира, потом еще одна квартира, потом особняк, а потом его вдруг нету — и всё. Среди людей, которые так жрут артистов — и не только артистов, а и режиссеров, и писателей, и кого хотите, — много умных. Но жестоких. Со мной так не будет. Меня никто не будет жрать — кроме моего чудовища, конечно.

— Слушайте, но неужели нельзя изменить Шнуру?

— Мне это не нужно.

— Ладно, последний вопрос. Почему вашу собаку зовут Писка?

— Вместе назвали. Это китайская лыся такса, очень маленькая. Я ее выторговала, выпросила у Шнура — «ну пожа-а-а-луйста!» — после американских гастролей, когда он по возвращении растаял от радости и был на все согласен. Сейчас он ее — то есть его, потому что Писка мужского рода, — очень любит.

— Спасибо, Оксана. Зря про вас врут. Вы отлично отвечаете.

— Это потому, что вы прилично спрашиваете.

■ Дмитрий Быков.

Чем известна

Не испортила ни одного плохого фильма

Оксану Акиньшину стали знать в России после «Сестер» Сергея Бодрова-младшего, в Европе — после «Лили навсегда» Лукаса Мудиссона, а кроме того, она известна как спутница жизни Сергея Шнурова. Она сыграла в некотором количестве более или менее успешных картин, к успеху или неуспеху которых не имела никакого отношения. И к самим картинам, кажется, тоже. Она появлялась там как знак реальности, что ли, — но не той, которая нас окружает, а той, настоящей. Даже в «Волкодаве», который, честно говоря, трудно смотреть без чувства мучительной неловкости. Именно на ее фоне как раз и становится понятно, сколько там лажи, — а вот в нее вполне веришь, потому что такие девочки могли быть и среди древних славян, почему нет. Не зря в фильме Филиппа Янковского «В движении» она мерещится герою как символ другого, правильного мира, в который он все рвется и никогда не попадет.

Самой Акиньшиной, сыгравшей в «Волкодаве» главную роль, фильм не нравится

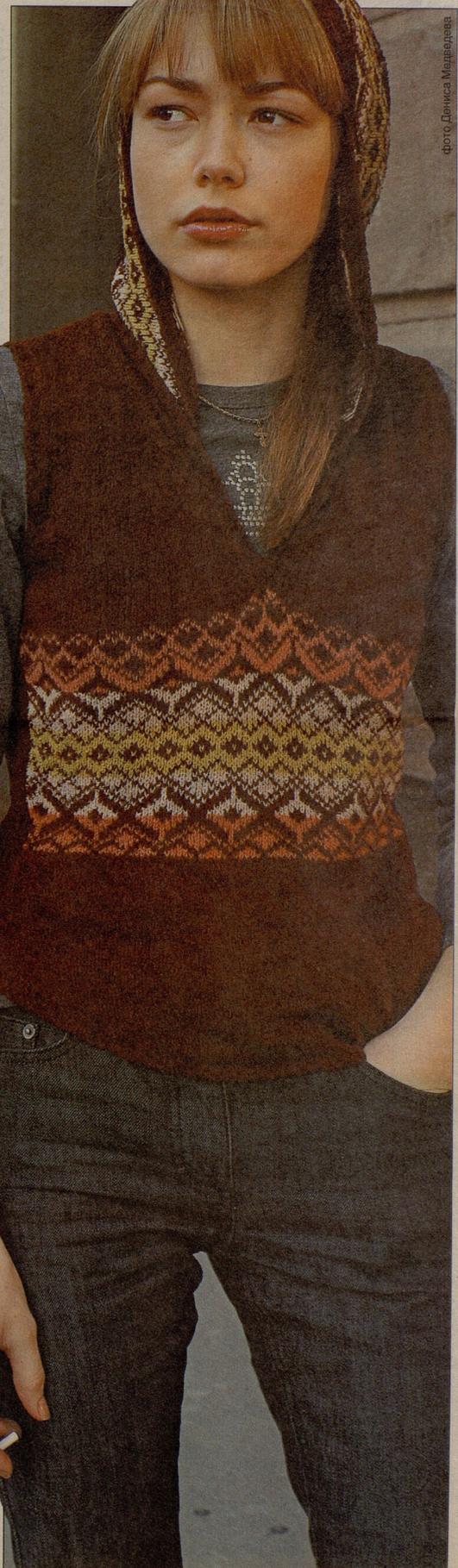

фото: Денис Медведев